

В. Ш. Сабиров¹,
О. С. Соина²

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И МЕОНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИИ ЗЛА

В решении вопроса о природе зла и его онтологических основаниях исторически сложились две религиозно-этические традиции.

Согласно манихейству — религиозному течению, возникшему в III веке в Персии, весь мир расколот на две враждебные силы, два противоположных принципа бытия: добро и зло, свет и тьму, Бога и дьявола. Развитие мира есть следствие борьбы этих сил. Две основополагающие идеи составляют суть манихейства: во-первых, онтологический дуализм; во-вторых, субстанциональность не только добра, но и зла. Христианская традиция стоит на принципиально других духовно-этических основаниях: на онтологическом монизме и отрицании субстанциональности зла. По христианской версии мир един, он есть творение Всемогушего и Всеблагого Бога, порождение Абсолютного Добра. Зло же есть следствие отпадения от Добра, а Дьявол — падший ангел, у которого сохраняется шанс вернуться к Богу через акт свободного выбора добра. Поскольку все божественное творение изначально было благим, а следовательно, и *добрым*, Псевдо-Дионисий Ареопагит считает, что «зло есть не-сущее, и его нет в сущем»³. Бог как Абсолютное Добро и есть Сущий, а зло, не имеющее субстанциональной основы бытия, есть не-сущее (ме-он — по-гречески). Вопрос об истинности двух названных религиозно-этических традиций в трактовке природы зла лежит не столько в теоретической плоскости, сколько в духовной и метафизической сфере. Выбор той или другой концепции делается каждым человеком на основе собственного духовного и нравственного опыта с опорой на совокупные религиозно-этические переживания человечества. Не теоретическое содержание, а практические следствия двух религиозно-этических подходов к проблеме зла имеют здесь решающее значение.

Путь манихейского дуализма, к сожалению, весьма влиятельный в различных культурных традициях и межличностных отношениях, — это путь перманентной вражды и поиска врагов, то есть сил зла, нуждающихся в уничтожении, поскольку каждый человек или социальное движение не только декларируют свою

приверженность добру, но и часто искренне верят в то, что именно они есть носители добра как такового, добра по преимуществу, а потому они просто обязаны противостоять безжалостной агрессии злых сил. Между тем это сопротивление злу *во что бы то ни стало*, любой ценой, без поблажек и компромиссов и уж, разумеется, без всякого снисхождения к его мнимым или настоящим носителям также может стать не менее агрессивным и разрушительным, чем его предполагаемое или действительное воздействие на человека. Эту сложную духовную *инверсию добра* в мире прекрасно осознавали многие философы. Так, Н. А. Бердяев писал: «У людей есть непреодолимая потребность в козле отпущения, во враге, который виновен во всех их несчастях и которого можно и должно ненавидеть. Это могут быть евреи, еретики, масоны, иезуиты, якобинцы, большевики, буржуазия, международные тайные общества и т. п. Революция всегда нуждается во враге для своего питания и выдумывает врага, когда его уже нет, то же самое и контрреволюция. Когда найден козел отпущения, то человек чувствует себя лучше. Это есть объективация зла, выбрасывание его во внешнюю реальность...»⁴ Логика развития нравственного сознания, впитавшего в себя установки, подобные манихейским, складывается следующим образом: в случае возникновения какой-либо жизненной проблемы человек ищет не причины, их породившие, объективные или субъективные факторы, вызвавшие их к жизни, но пытается найти виновников вонне, которые «находятся» и из своих и ближних превращаются сначала в других и своих, а по мере углубления проблем — во врагов, наделяемых к тому же демоническими и inferнальными чертами. Понятно, что в таком случае очень трудно бывает возвратиться к исходной позиции и попытаться установить диалог между «жертвой» и «обидчиком». По такой логике часто разворачиваются не только межличностные конфликты, но и международные коллизии.

Хорошо понимая опасность субстанционализации зла в практическом плане, многие отечественные мыслители настаивали на меонической природе зла, подчеркивая тем самым ее сложность и предостерегая от упрощенных способов его преодоления.

Но какие же преимущества в понимании зла дает отрицание его субстанциональности, и как она влияет на нравственные переживания и поступки человека?

Во-первых, усложняется картина мира, а феномен зла обретает своеобразную «объемность» и духовную глубину. Поэтому требуется более тонкая работа ума и чувств, дабы предметно локализовать конкретные проявления зла и выработать соответствующую им стратегию его преодоления. Более того, именно понимание человеком меонической природы зла продуцирует очень глубокое, духовное, выверенное решение

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Два главных вопроса этики И. А. Ильина (в соавт.)», «Этика и жизнь (о двух типах этического знания)» (в соавт.) и др.

² Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникации и информатики, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Онтология совести» (в соавт.), «Этика и жизнь (о сотериологическом аспекте этического знания)» (в соавт.) и др.

³ Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 58.

⁴ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 113.

отказаться от установки на прямолинейное физическое уничтожение явных или мнимых носителей зла.

Во-вторых, меоническая концепция зла предотвращает духовный бунт человека. Она открывает возможность для правильного осмысления проблемы теодицеи и антроподицеи. Весьма показателен в этом плане оригинальный способ решения, предложенный С. Л. Франком. В своей книге «Непостижимое» мыслитель констатирует, что в своей последней духовной глубине реальность зла выступает как нечто непостижимое. За этим утверждением следует вывод о принципиальной неразрешимости теодицеи рациональным способом. «Легко усмотреть реальность зла через ненависть к нему и обвинение в нем кого-либо другого, — пишет С. Л. Франк. — Но тогда остаешься совершенно слепым в отношении истинного, иррационального метафизического существа зла — уже потому, что не замечаешь, что в этой ненависти, как и в гордыне обвинительной установки, сам судящий уже пленен и соблазнен извращенностью зла. Этим прегражден единственный путь к подлинному постижению непостижимого существа зла — путь в собственную глубину, в которой одной через сознание моей виновности непостижимое становится видимым. <...> И так как всякое постижение есть в конечном счете усмотрение связи с первоосновой, с Богом, то именно этим преодолевается зло как безосновность и небытие и восстанавливается нарушенное единство с Богом. Единственно возможное постижение зла есть его преодоление и погашение через сознание вины. Рациональная и отвлеченная теодицея невозможна; но живая теодицея, достигаемая не мыслью, а жизнью, возможна во всей своей непостижимости и трансрациональности»¹. Отказываясь от рационального способа постижения теодицеи, Франк радикально меняет точку зрения на проблему зла, переводя его из внешнего объективированного и моралистического плана во внутренний, духовно-нравственный, в метафизическую глубину самой личности человека. Говоря о вине как способе постижения зла, С. Л. Франк имеет в виду персонифицированную ответственность человека за все зло мира, а не только за свои личные проступки и преступления. Здесь обнаруживается духовная перекличка идей философа с суждениями старца Зосимы из «Братьев Карамазовых», поучавшего будущих «русских иноков»: «И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему совершиться... Бегите, дети, сего уныния! Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской, друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что к гордости сатанинской приобщись и на Бога взропщешь»².

В-третьих, меоническая концепция зла позволяет усмотреть трансцендентные источники благ, кото-

¹ Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Соч. М., 1990. С. 348.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 290.

рых удостаиваются люди. Эту метафизику жизни хорошо осознавал Ф. М. Достоевский, полагавший, что помощь человеку в самые отчаянные моменты его жизни может приходиться от самых неожиданных людей и из самых невероятных источников. Задумаемся над «странным» вопросом: кто же действительно помогает человеку в романах Достоевского? Кто спасает, поддерживает и укрепляет духом всех этих беспредельно несчастных и изверившихся в Боге и людях Мармеладовых, генералов Иволгиных и капитанов Снегиревых, которым зачастую «уже некуда больше пойти»? Кто просто, без всяких «теорий» и благородных порывов, не на словах, а на деле помогает всем этим людям выжить в совершенно безнадежной ситуации? Мы не без удивления можем констатировать: как правило, самое реальное и серьезное содействие несчастным приходит отнюдь не со стороны людей солидных и обеспеченных и — главное — высокоморальных, не, тем более, от социальных организаций, различных «обществ милосердия», призванных «по долгу службы» профессионально обеспечивать такого рода поддержку. В реальной жизни, когда нужна быстрая, энергичная и очень действенная помощь, ни благородных спасателей с толстыми кошельками и добрыми чувствами, ни благонадежных социальных союзов, где в равной мере наличествуют и добродетель, и деньги, рядом с отчаявшимся человеком, как правило, не обнаруживается, и ему приходится погибать в одиночку — страшно и беспощадно. И, тем не менее, казалось бы, вопреки всему, без помощи и поддержки человек не остается; до конца погибнуть ему не дают; вот только помощь и поддержка являются со стороны совершенно иных инстанций, нежели те, на которые он по наивности или по привычке полагался и рассчитывал. Если бы добро исходило бы только от хороших людей с самыми что ни на есть благими намерениями, жизнь давно прекратилась бы или же стала сущим адом. Моралистическая селекция добра *на добро по разумному обоснованию* с выявленными «положительными» намерениями и *на добро по побуждению* без предварительно фиксируемой позитивной мотивации неизбежно разрушила бы духовно-нравственную целостность человечества, и моральное бытие людей мало-помалу превратилось бы в систему утонченнейшего этического сыска и почти юридического *принуждения* к добрым делам. Это законническое, морально-правовое отношение к добру в высшей степени противоречит духу и букве христианского вероучения, такого, каким видели его величайшие отцы Церкви, запрещавшие осуществлять над человеком *процедуру дознания* глубинных оснований его моральной мотивации. Вот что говорил по этому поводу архиепископ Константинопольский Иоанн Златоуст: «Сколько бы стали говорить многие и негодовать, если бы Бог повелел прежде с точностью разведывать жизнь, узнавать поведение и поступки каждого, а потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всего этого труда. Для чего же навлекаем на себя излишние заботы? Иное — судия, иное — подающий милостыню. Милостыня потому так и называется, что подаем ее и недостойным. <...> Так прошу, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх

надлежащего. Ибо все достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы ни пришел к нам с нею, не станем ничего разыскивать более, потому что мы подаем не по нраву, а по человеку, и жалеем его не за добродетель, но за несчастье, дабы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, дабы самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия»¹. И только потому, что все падшие «блудники и грешники» Достоевского «не знали за собой никаких ценностей, а только надеялись на Бога»², добро «узкими путями» все-таки приходит в мир и, каза-

лось бы, безо всяких на то оснований укрепляется в нем. Именно в силу этой парадоксальности добра в сфере человеческих отношений оно действительно может быть названо «даром Божиим» — *любовью* Спасителя к несчастному человеку, на какой бы степени греха он ни находился и какие бы проступки ни совершал. Если бы добро исходило только от добрых, то трудно было бы догадаться о наличии божественного источника добра, но поскольку добро приходит в мир и через злых людей, то здесь уже трудно усомниться в том, что за ним стоит Бог.

¹ *Святитель Иоанн Златоуст. Избранные поучения.* М., 2001. С. 463.

² *Флоренский П. А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского мировоззрения // Флоренский П. А. Соч. : в 4 т. М., 1999. Т. 3, кн. 1. С. 460.*